

термина „петровская повесть“. Если и не со всем можно согласиться в приведенной нами выше цитате, то основная мысль Н. К. Пиксанова безусловно верна, и расширительному толкованию термина „петровское время“ следовало положить конец. К сожалению, этот трезвый голос не был услышан, и научные права гражданства за понятием „петровская повесть“ сохранились, как мы видели, и до сих пор.

## II

В. В. Сиповский считал повестями петровского времени четыре произведения авантюрно-галантного жанра: „Гисторию царевича Архилабона“, „Гисторию о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“, „Историю о Александре, российском дворянине“ и „Историю о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре“. В такой именно последовательности перечислены они были издателем в цитированном нами отрывке из предисловия к „Русским повестям XVII—XVIII вв.“, в таком почти порядке они были и напечатаны в основном тексте книги с одним только отступлением: между двумя последними повестями В. В. Сиповский без какой-либо мотивировки поместил „Гисторию о Ярополе царевиче“. Насколько владела В. В. Сиповским идея „повести петровского времени“, можно видеть из того, что, помещая на первом месте „Гисторию королевича Архилабона“, он не счел даже нужным объяснить свое отношение к печатаемому им подзаголовку: „Сочинена трудами правительствующего Сената действительного коллегии юнкора Петра Орлова в Москве марта 1750 года“. Так и осталась повесть, написанная в 1750 г., „повестью петровского времени“. Это оказалось тем более возможным, что „своеобразный петровский стиль, обильный варваризмами“, являвшийся для В. В. Сиповского источником „довольно верных данных для определения“ принадлежности этих произведений к эпохе Петра, здесь безусловно налицо: здесь и „академия“, и „инструменты“, и „фельдмаршал“, и „термин“, и „персона“, и „генералитет“, и „авдиенция“, и „конференция“, и „баталия“, и „камора“ и т. д., и т. д. Словом, если бы не было в подзаголовке даты написания „Гистории“ и фамилии автора, лица, в известной мере, исторического,<sup>1</sup> то, основываясь на одних только „варваризмах“, можно было бы безусловно признать ее „петровской повестью“.

Сейчас „Гистория королевича Архилабона“ никем уже не признается „повестью петровского времени“, но на шатких основаниях „духа“ петровской эпохи и „варваризмов“ в „петровские повести“ попрежнему включаются остальные произведения, названные В. В. Сиповским, и ряд других; так, например, в защищенной в 1948 г. диссертации о „Гистории о Ярополе царевиче“ М. В. Николаева считала, что написал эту повесть „автор, переживший опыт петровской эпохи“. Хотя это и не прямое зачисление „Гистории о Ярополе царевиче“ в „петровские повести“, но

<sup>1</sup> Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 73—74.